

УДК 340

UDC 340

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ
РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ 1990-х гг.**

**STATE POLICY OF THE FUEL AND ENERGY
COMPLEX OF RUSSIA: A HISTORICAL
EXPERIENCE OF THE MARKET
REFORMS OF THE 1990S**

Рыжков Тимофей Викторович
к.и.н.
*Институт международного права, экономики,
гуманитарных наук и управления им. К.В.
Россинского, Краснодар, Россия*

Ryzhkov Timofei Viktorovich
Cand.Hist.Sci.
*Institute of International Law,
Economics, Humanities and Management named after
K. Rossinsky, Krasnodar, Russia*

В статье исследуется эволюция политики
российского государства в условиях рыночных
реформ 1990-х годов

In this article we study the evolution of the Russian
state policy in the context of the market reforms of the
1990s

Ключевые слова: ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА, ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС, НЕФТЯНАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ВЕРТИКАЛЬНО
ИНТЕГРИРОВАННЫЕ НЕФТЯНЫЕ КОМПАНИИ

Keywords: ENERGY POLICY, FUEL AND
ENERGY, OIL INDUSTRY, VERTICALLY
INTEGRATED OIL COMPANIES

Энергетика является ключевой отраслью для многих стран мира в экономическом, социальном и политическом плане. В этой связи топливно-энергетический комплекс (ТЭК) находится под особым контролем государства и довольно жестко регулируется, независимо от форм собственности компаний энергетического профиля. Ситуация в топливно-энергетическом комплексе в полной мере определяет и состояние дел в российской экономике. По разведанным запасам нефти Россия входит в группу ведущих стран, доля 2-5 места с Ираком, Ираном, Кувейтом и ОАЭ вслед за занимающей первое место Саудовской Аравией. По объемам ежегодной добычи страна, после серьезных провалов 1990-х годов, вновь вышла на прежний высокий уровень советской эпохи. Сегодня представляется целесообразным осмысление того опыта, который был накоплен на сложном этапе рыночного развития отрасли в условиях рыночных реформ 1990-х годов.

Прежде всего, отметим, что, в связи с неудачами реформ эпохи перестройки, в 1990-е годы отрасли ТЭК, особенно нефтяная промышленность, вступали отягощенными вновь сложившимися

негативными тенденциями развития. Уже в 1989 г. в СССР было добыто всего 607 254 тыс. тонн, что было ниже уровня 1981 года. В 1990-1991 гг. масштабы падения оказались еще более заметными (добыча 570 468 и 515 530 тыс. тонн, соответственно) [1].

Предельно сложным положение в отрасли стало после распада СССР и перехода с рубежа 1991-1992 гг. к реализации программы радикальных рыночных реформ, осуществленных командой «молодых реформаторов» под руководством Е.Т. Гайдара. В развернутом виде свое видение перспектив реформирования страны он, в частности, изложил после назначения исполняющим обязанности председателя Правительства России. По его мнению, российская экономика, по мере перехода к развитым рыночным отношениям, должна была пройти три этапа: кризисное развитие, восстановление народного хозяйства и экономический подъем [2].

Данные идеи явились основной составляющей проекта «Программы углубления экономических реформ (ПУЭР)», одобренного 3 июля 1992 года Правительством РФ [3]. Однако, по сути, появление данного документа объяснялось в основном внешними факторами - была необходима среднесрочная экономическая программа для предъявления МВФ, сотрудничество с которым связывали с получением и использованием иностранных кредитов [4]. Таким образом, внимание правительства, по сути, оказалось смещенным с реального сектора экономики на сферу финансов.

Наряду с этим, основным направлением политики Правительства РФ объявлялось создание конкурентной рыночной среды. Оно намеревалось двигаться, опираясь на предпринимателей. На этой основе 27 августа 1992 года на заседании Правительства РФ была рассмотрена Концепция структурной политики на 1993 год [5]. В ее основу лег документ «Программа приоритетов на 1993 год», подготовленный Министерством

экономики. Показательно, что при этом правительство определило четыре важнейших (системообразующих) направления экономической политики: поддержка ТЭКа; сохранение экспортного потенциала государства; обеспечение продовольственной безопасности и конверсия военной промышленности. Считалось возможным провести финансирование данной программы из бюджетных и внебюджетных фондов. Заметим, что последние, по замыслам Правительства РФ, должны были формироваться через иностранные инвестиции и средства экспортеров. Экспортерам планировалось выдать экспортные квоты, обеспечивающие валютные поступления. Кроме этого, была предложена система государственного протекционизма: из всех отечественных предприятий государство должно было выбрать приоритетные и выделить помощь именно им.

Министр экономики А. Нечаев, выступая на заседании Правительства РФ, определил особенность структурной политики 1992 - 1993 годах: ее реализация планировалась на фоне продолжавшегося общего спада производства, который сокращал платежеспособный спрос и тем самым создавал резервы мощностей, улучшая условия структурно-технологической реконструкции. Министр привел и прогнозируемую сумму вложений в российскую экономику на 1993 год. Согласно ним, Правительство РФ намеревалось потратить из федерального бюджета на структурную перестройку экономики - 63 млрд. рублей в ценах 1991 года (1 USD ~ 3RR); привлечь 15 млрд. рублей иностранных инвестиций и задействовать примерно 60 млрд. рублей внебюджетных фондов [6].

В целом, исключая гипотетические «иностраные инвестиции», источником всех преобразований, по сути, объявлялись ресурсы ТЭК. Не случайно, ПУЭР была встречена большинством экономистов достаточно критично. Правительству России ставили в вину, во-первых, его отказ от государственного регулирования отечественной экономики, от поддержки

отечественного производителя, и, во-вторых, его стремление проводить жесткую антиинфляционистскую политику.

Президент РФ не мог не отреагировать на призывы к корректировке экономического курса Правительства России, исходящие от различных политических сил. 6 октября 1992 года он высказался за уточнение курса проводимых реформ. При этом главная ошибка Правительства в экономической политике, в его трактовке, состояла в излишней макроэкономизации «в ущерб решению конкретных хозяйственных, человеческих проблем, то есть микроэкономики» [7]. В свою очередь, Е. Гайдар в этот же день в докладе «Об углублении экономических реформ» в качестве конкретных направлений деятельности правительства определил стабилизацию положения в энергетике и промышленности [8].

На деле, в условиях острого экономического кризиса, у государства не осталось иного пути, как установление жесткого контроля за отраслью, прежде всего, за процессами ценообразования. Оно взяло под контроль регулирование цен на продукцию монополистов путем установления тарифов и предельных коэффициентов их изменения на продукцию, т.е. установило предельные уровни рентабельности. При этом именно к нефтепромышленности были предъявлены наиболее жесткие требования. Фактически отрасль превратилась в одного из основных доноров экономики.

В данной связи выросла заинтересованность в повышении эффективности работы нефтепромышленности. В условиях, когда государство практически перестало заботиться об инвестициях в отрасль, ставка была сделана на ее внутренние ресурсы, на оптимизацию организации отрасли. Основной мерой на данном пути была признана реструктуризация. Магистральным направлением развития отрасли стало ее акционирование и последующая приватизация. В контексте впервые

разработанной в России в 1992 году энергетической стратегии, был также взят курс на демонополизацию отрасли.

Заметим, что первые шаги на этом пути были сделаны еще до перехода к радикальным реформам. Революционное значение здесь имело постановление Правительства № 18 от 25 ноября 1991 г., официально зарегистрировавшее государственный нефтяной концерн «ЛУКойл» - «ЛангепасУрайКогалымнефтегаз». Первоначально в него вошли три нефтедобывающих объединения Западной Сибири и четыре нефтеперерабатывающих завода [9].

Однако в последующем реформирование отрасли существенно затормозилось. По сути, «младореформаторы» забыли о ней, ограничившись осуществлением своего рода «пробного» акционирования на уровне отдельных предприятий. И лишь на закате деятельности правительства Е. Гайдара был издан Указ Президента России от 17 ноября 1992 г. № 1403 «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения». Именно им и было положено начало утверждению концепции вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК).

Параллельно с созданием вертикально интегрированных нефтяных компаний, в которых объединялись добыча нефти, ее переработка и сбыт нефтепродуктов, государство внешне отстранялось от непосредственного управления нефтяной отраслью. Соответственно, упразднялось и Министерства нефтяной и топливной промышленности.

Однако отказаться от регулирования столь важной сферы для государства было невозможно. Дальнейшее согласование позиций всех заинтересованных сторон проходило в течение нескольких месяцев, и было завершено уже в новых политических условиях. Ввиду того, что

негативные последствия реформ доминировали, 14 декабря 1992 года Президент РФ Б. Ельцин подписал указ «О председателе Совета министров - Правительства РФ», в котором назначил В. Черномырдина новым главой правительства.

Новые подходы В.С. Черномырдина заключались в усилении как социальной составляющей экономической реформы («приблизиться к человеку»), так и в усилении роли ведущего субъекта хозяйственной деятельности - государства - собственника основного объема индустриального потенциала России. Особенно позитивным для отрасли было то, что новый глава правительства не был сторонником безоглядного дробления отрасли. Именно благодаря этому, несмотря на усилия руководства Госкомимущества, данный процесс был приостановлен.

В контексте отмеченных событий, следует особо отметить роль премьер-министра России Виктора Черномырдина, который в апреле 1993 г. подписал постановления об утверждении акционерных обществ открытого типа «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ», «Нефтяная компания «Сургутнефтегаз» и «Нефтяная компания «ЮКОС» [10]. Компании аккумулировали активы 5 тюменских нефтедобывающих объединений, 5 крупных комплексов по переработке нефти и 18 специализированных организаций по обеспечению нефтепродуктами областей Центрального и Северо-Западного регионов, Поволжья, Урала. В соответствии с учредительными документами создававшихся нефтяных компаний, их уставный капитал формировался из 38% акций дочерних предприятий. При этом государство сохраняло за собой доминирующее влияние, поскольку контрольный пакет акций самих компаний (45%) на 3 года закреплялся в федеральной собственности. Таким образом, фактически решающее слово на общем собрании акционеров и в совете директоров в течение этого времени должно было принадлежать представителям центральных органов исполнительной власти. При этом персональный

состав совета директоров, включая его председателя (который является также президентом компании), утверждал учредитель всех трех компаний - Совет Министров России.

Благодаря инициативам правительства В.С. Черномырдина, концепция структурных преобразований и приватизации предприятий топливно-энергетического комплекса определилась значительно более внятно. По мнению российских экспертов, для нее были характерны следующие принципы: сохранение единых производственно-технологических комплексов; сохранение на переходной период контроля государства над предприятиями комплекса за счет прямого участия государства в капитале акционерных обществ; получение за счет приватизации дополнительных источников финансирования производства, реконструкции действующих и создания новых производственных мощностей; создание финансово устойчивых организационных структур, конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках энергоресурсов [11].

Разъясняя новые ориентиры государственной политики, заместитель министра топлива и энергетики России В. Бушуев предельно ясно констатировал: «Следуя принципу «не трогать то, что покоится» (газовая промышленность), вопросы реструктуризации нефтегазового комплекса сводятся в настоящее время главным образом к перестройке структуры управления нефтяной промышленностью». Ее основными принципами он, наряду с сохранением сложившихся комплексов по добыче и переработке нефти и сбыту нефтепродуктов, назвал создание крупных хозяйствующих субъектов на рынке нефти и нефтепродуктов в виде вертикально интегрированных компаний, а также сохранение интегрированной системы магистральных трубопроводов с обеспечением свободного (недискриминационного) доступа к ним всех производителей нефти и нефтепродуктов. Важное значение придавалось также созданию

конкурентной среды и обеспечению баланса интересов центра и регионов [12].

Ключевая роль на начальном этапе реорганизации предназначалась оставленной в государственной собственности «Роснефти». Прежде всего, она была задумана для коммерческого управления закрепленными в федеральной собственности пакетами акций нефтяных компаний, еще не вошедших в состав ВИНК. Компания должна была постепенно передавать контрольные пакеты акций нефтяных компаний в виде вноса в уставный капитал вновь создаваемых холдингов (38-51%) [13].

В состав «Роснефти», согласно президентскому Указу и правительственному Постановлению, принятому 22 апреля 1993 г. (№ 357), было включено 259 предприятий, ПО и НПО, АО (ранее они входили в состав корпорации «Роснефтегаз», концерна «Роснефтепродукт» или находились в Минтопэнерго). Госкомимущество передало «Роснефти» 48 % пакетов акций этих АО, закрепленных на 3 года в федеральной собственности. Госпредприятие осуществляло коммерческое управление указанными акциями, до формирования из АО самостоятельных нефтяных компаний. Через «Роснефть» осуществлялось выделение акционерным обществам государственных кредитов и финансовых ресурсов. Данное государственное предприятие должно было также принимать непосредственное участие в организационной работе по созданию новых акционерных компаний. В числе его функций были предусмотрены: организация разведки, добычи, транспортировки, переработки и реализации углеводородного сырья в Российской Федерации и за рубежом; выполнение геологоразведочных работ и эксплуатация месторождений на континентальном шельфе; осуществление внешнеэкономической деятельности; участие в организации разработки прогноза общей конъюнктуры на рынке нефти и газа; подготовка предложений о предоставлении лицензий, а также о размещении объемов добычи и

переработки нефти и газа для государственных нужд; участие в организации контроля за исполнением поставок для государственных нужд по межправительственным соглашениям; координация деятельности АО по привлечению иностранных инвестиций, участие в экспертизе учредительных документов создаваемых предприятий с иностранными инвестициями; инвестирование государственных средств в развитие нефтяного производства и смежные отрасли экономики [14].

Придавая важное значение сохранению полного контроля государства за транспортировкой нефти и нефтепродуктов, в 1993 году Правительство РФ учредила государственные ВИНК «Транснефть» и «Транснефтепродукт». В частности, в государственную компанию «Транснефтепродукт» вошли 11 АО, созданных на базе межрегиональных объединений нефтепродуктообеспечения. В каждом из них 51% акций принадлежал государству, а 49% - областным фондам госимущества. «Транснефтепродукт» ежегодно перекачивал около 20 млн. тонн нефтепродуктов [15].

Таким образом, государство сохранило за собой принципиальные позиции в регулировании вновь созданных нефтяных компаний. Следствием нового экономического курса стало также провозглашение одной из целей государства борьбы за наведение порядка. Не случайно, с 1993 г. прослеживается тенденция к усилению ответственности за нарушения в сфере экспортно-импортных операций. В частности, внимание правительства привлек внимание незаконный экспорт товаров, научно-технической информации и услуг [16].

Контурсы новой экономической политики государства получили конкретизацию в докладе премьера В.С. Черномырдина 6 августа 1993 года «О социально-экономическом положении России и мерах по его стабилизации» обозначил [17]. В частности, в нем предусматривались меры по адаптиванию предприятий к рыночным условиям,

формированию цен под воздействием спроса и предложения и т.д. Был сделан вывод о «практической стабилизации уровня жизни населения» на фоне продолжавшегося спада производства. Разработчики правительственной экономической программы огласили приоритетные отрасли, среди которых на первом месте стоял топливно-энергетический комплекс. При этом Правительство РФ делало ставку на борьбу с экономическим спадом через квотирование экспорта по отдельным товарам и сохранение лицензирования по их ограниченной номенклатуре. Однако снижение экспортных пошлин и сокращения централизованного экспорта при этом предусматривались лишь по ряду неэнергетических товаров.

Впрочем, нельзя не признать, что единства подходов к развитию экономики страны, в том числе ТЭК, в правительстве не существовало. В частности, свой сценарий борьбы с экономическим спадом в это время предоставил заместитель Председателя Правительства РФ О. Лобов. Министерство экономики РФ (МЭ РФ) подготовило проект указа Президента РФ «О неотложных мерах по стабилизации экономики» и направило его для согласования В. Черномырдину [18]. В документе определялась главная мера оздоровления отечественной экономики – восстановление различных отраслей через введение системы взаимозачетов взаимной задолженности предприятий.

В начале сентября 1993 года так же были обнародованы рекомендации Совета по промышленной политике под председательством первого заместителя Председателя Правительства РФ О. Сосковца [19]. По его словам, данные предложения коренным образом отличались от предшествующих экономических решений Правительства. Они несли в себе реальные элементы направленной на преодоление спада структурной политики.

В условиях активизации различных группировок отечественных хозяйственных руководителей и собственников, с 1994 г. политика регулирования монополий постепенно пересматривалась. Основное внимание правительства все более обращалось на привлечение новых инвестиций и развитие конкуренции - от усовершенствования информационных систем до ослабления рыночных барьеров. Однако и здесь применительно к деятельности естественных монополий было признано целесообразным преимущественно административное регулирование [20]. В этой ситуации в 1994 году прошла вторая волна создания ВИНК (АО «Сиданко», «ВНК», «ОНАКО», «Славнефть» и др.).

В целом, несмотря на внимание и контроль со стороны государства, нефтяная отрасль переживала трудные времена. Продолжалось падение нефтедобычи, ухудшались все основные качественные показатели развития отрасли. Тем не менее, мы не склонны преувеличивать трудности отечественных нефтепромышленников. Серьезные дивиденды нефтепромышленники получили за счет приватизации государственной собственности по бросовым ценам.

А вслед за тем, как с 1995 г. в стране было отменено квотирование и лицензирование экспорта нефти и нефтепродуктов, в нефтепромышленности наступил золотой век частных предпринимателей. К тому же, к лету 1995 года прекратилось фатальное ослабление рубля, начавшееся осенью 1994 года (11 октября 1994 года - «черный вторник»). На смену стихийной долларизации пришла дедолларизация. В 1995 году ЦБ РФ был даже вынужден поддерживать курс доллара, скупая валюту (тем самым, он смог увеличить свои резервы к лету 1995 года на 6,5 млрд. USD) [21].

Постепенная стабилизация экономической ситуации и ослабление государственного регулирования отрасли открыли перед нею новые перспективы. Не случайно, помимо ВИНК, в рассматриваемый период

быстро росли и более мелкие нефтяные компании. В ведении вертикально интегрированных нефтяных компаний находилось только 28% малых и средних месторождений (запасы которых не превышали 30 млн. т), 41% крупных (от 30 до 300 млн. т. запасов) и 31% уникальных (свыше 300 млн. т). В свою очередь, малые и средние нефтегазодобывающие предприятия, численность которых достигала порядка 150 компаний, разрабатывали 59% малых и средних месторождений и 41% крупных. В силу своего размера и положения независимые производители зачастую более чутко реагировали на инновационные процессы, внедряя все новое, так как малому предприятию некуда расширяться, и приходится дорабатывать имеющиеся месторождения за счет применения новых методов добычи. Кстати, в мире малые предприятия обеспечивают в среднем примерно половину всех технических нововведений в нефтяную отрасль.

Свою устойчивость они, в частности, продемонстрировали в последующем, когда в кризисные 1998-1999 гг. именно малые нефтедобывающие компании смогли привлечь серьезных инвесторов. В частности, по данным Министерства природных ресурсов, крупные инвестиции были сделаны в такие предприятия, как СП «ПермТОТИнефть», Русскую топливную компанию (Пермская область), «Северную нефть», «Байтек Силур» (Республика Коми), СП «Геолбент Лтд.» (Ямало-Ненецкий АО), «Томск-Петролеум-унд-Газ» (Томская область), «Петросах» (Сахалинская область). Всего независимыми компаниями было привлечено около \$1 млрд. инвестиций [22].

Однако соответствующей государственной поддержки российским малым нефтедобывающим компаниям не оказывалось. Весьма примечательно, что в России их возникновение нередко было вынужденным. В частности, следствием сложного положения геологических предприятий и организаций явилась их достаточно массовая трансформация в мелкие добывающие компании с ежегодной добычей

(2000 г.) от 4 тыс.т. (Уренгойнефтегазгеология) до 53,2 тыс.т. нефти (Оренбурггеология) [23]. Естественно, что эта вынужденная переориентация позволяла этим предприятиям выжить, однако негативно сказывалась на состоянии геологических исследований. Укажем также на то, что малые компании, в принципе, не были способны эффективно бороться за доминирование на мировом нефтяном рынке. Крупные государственные предприятия в ТЭК работали значительно более эффективно и стабильно.

«Золотой час» нефтепромышленников не стал золотым для всей страны. Поэтому 26 ноября 1996 года министр экономики Е. Ясин направил письмо Председателю Правительства РФ. В нем он писал о том, что «нужен решительный поворот к промышленному росту на базе структурной перестройки, требующей усилий более энергичных и масштабных, чем просто ожидание момента, когда снизится процентная ставка». Он также признал, что инфляция с 1993 по середину 1996 годов была «сбита» лишь «за счет роста государственного долга». Причем Е. Ясин подчеркнул мысль о том, что «прежняя политика балансирования между разными групповыми интересами, уступок и поблажек тем или иным лоббистским группировкам полностью себя исчерпала и ее продолжение тянет страну в пучину длительной депрессии» [24].

В контексте приведенных данных заметим также, что подтверждением нелицеприятных оценок являлось и реальное положение дел в нефтяной промышленности, которое было далеко не благоприятным. Используя административные и финансовые рычаги, ВИНК объективно усиливались с каждым годом. К примеру, постановлением Правительства от 1 сентября 1995г. в компанию ЮКОС были включены нефтедобывающее предприятие ОАО «Самаранефтегаз» и ряд других предприятий. В дальнейшем, в конце 1997 г. ЮКОС приобрела контрольный пакет акций Восточной нефтяной компании (созданной

постановлением Правительства №499 от 20 марта 1994г.). В конце 1999г. она приобрела 16% акций «Орбургнефть», контрольный пакет которого остался у ОНАКО [25].

Однако дробление единой нефтяной промышленности на ВИНК не решило проблему монополизма и, главное, - не поставило их ресурсы на службу страны. С каждым годом все более актуальной в России становилась тема ценового сговора ВИНК. В то же время, реструктуризация не только породила в ряде случаев совершенно неоправданную конкуренцию, но и помешала собрать и без того ограниченные средства в единый кулак для решения все более неотложных масштабных задач.

На наш взгляд, это было связано с тем, что в России в переходный период отсутствовала общероссийская идея, отсутствовало внутреннее единство. В частности, это нашло отражение в борьбе законодательной и исполнительной ветвей власти, которая имела негативные последствия для реформирования нефтяной отрасли. В конечном счете, в значительной степени именно в силу этого, законодательство в отношении нефтяного бизнеса в России не получило системного характера. «Правила игры» в сфере ТЭК регулировались в основном комбинацией законов, указов президента, а также ведомственных нормативных инструкций. Радикальные отличия правового пространства России от соответствующих образцов на Западе, заключались в том, оно было сформировано в основном именно не законами, а президентскими указами.

В целом, необходимо отметить, что, несмотря на очевидные проблемы, в 1997 г. отрасль все же остановила падение и вошла в полосу неустойчивого развития. В это время падение нефтедобычи было в целом остановлено. Однако ее прироста обеспечить не удалось.

Главная проблема российского энергетического сектора состояла в недостатке инвестиций и старении основных фондов. Причем если в

нефетдобычу инвестиции направлялись более активно, то в нефтепереработке, газовой отрасли, угольной промышленности, транспортной инфраструктуре наблюдался острый дефицит средств. В силу данного обстоятельства в рамках рассматриваемого периода спасительной альтернативой для нефтедобывающих предприятий стал исключительно экспорт. Даже демпинговая внешнеторговая цена на нефть при девальвированном рубле позволяла вести достаточно успешную хозяйственную деятельность. В условиях массовых неплатежей потребителей, она приносила вполне серьезные «живые деньги».

Если в 1993г. экспорт составлял порядка 30% нефти, то в 2000 г. только в дальнее зарубежье было экспортировано 125 млн. т. или почти 39% добычи. При этом обращает на себя особое внимание то обстоятельство, что свободный выход ВИНК на внешние рынки привел к тому, что обеспечение конкурентоспособности стало осуществляться преимущественно за счет снижения цен [26]. В масштабах народного хозяйства России это привело к дальнейшей деградации экономики страны, а в нефтяной промышленности – к разрушительной внутриотраслевой конкуренции.

Итак, конец 1990-х был ознаменован ослаблением регулирующей роли государства и доминированием ВИНК. По состоянию на 2000 г. в России действовало 13 ВИНК. Однако основными из них (по объему нефтедобычи) по-прежнему были «пионеры» - ОАО «НК ЛУКОЙЛ», ОАО «НК ЮКОС» и ОАО «Сургунефтегаз» [27].

Необходимость обновления энергетической стратегии государства к концу 1990-х годов в России ощущалась в полной мере. В частности, это доказывало нарастание таких негативных явлений как растаскивание государственное собственности, выкачивание и использование в частных интересах крупных объемов полезных ископаемых и доходов от их реализации, бесконтрольное (теневое) обращение «заработанных» на этом значительных средств, масштабный вывоз капитала и т.д. Все это

ослабляло национальную безопасность, разрушало политические, социально-экономические и нравственные устои государства и общества.

В целом, определяя основные инструменты, которые государство в 1990-х годах использовало в качестве основных для модернизации отраслей ТЭК, следует в первую очередь выделить приватизацию при сохранении принципа вполне последовательной монополизации нефтегазового комплекса. Следует признать и то, что в 1990-х годах в ТЭК, особенно в нефтяной промышленности, организационные изменения не были завершены. При этом к концу периода их направление стало существенно изменяться, и было связано с процессом укрупнения российских нефтяных компаний за счет покупки пакетов акций, принадлежащих государству, а также в процессе наметившегося курса на слияния.

Поскольку далеко не всегда эти процессы учитывали интересы всего общества, к концу 1990-х годов стала очевидной необходимость перехода к новой ресурсной политике, главная цель которой состояла бы в обеспечении интересов государства и общества в использовании природных ресурсов.

Литература и источники

1. Нефтяная промышленность Российской Федерации. 1995. М., 1996. С.23.
2. Коммерсантъ. 1992. №27. С. 24.
3. Программа углубления экономических реформ в России. // Российская газета. 1992. 17 июля. С. 3-5.
4. Реформы глазами американских и российских ученых /общ. ред. Боголюбова С.Т. М., 1996. С. 118.
5. Правительство день за днем. //Российские вести. 1992. №49. С. 1.
6. Нечаев Л.Л. Структурные сдвиги в экономике определены структурой нашей реформы. // Российские вести. 1992. №57.
7. Выступление Б.Н. Ельцина на V сессии ВС РФ. // Российская газета. 1992. 7 октября.
8. Гайдар Е. Мы знаем, что и как делать. // Российская газета. 1992. 7 октября.
9. ТА Министерства энергетики РФ.
10. Business-MN. 1994. 11 мая.
11. Кандаурова Н. Малушина Н. Стратегия и тактика акционирования// Нефть России. 1994. №10. С.15.

12. Бушуев В. Чтобы признаки стабилизации не стали призраками// Нефть России. 1995. № 5(8). С.24/
13. Клейнер Г.Б. Мезоэкономика переходного периода. Рынки, отрасли, предприятия. М., 2001. С. 131.
14. Экономика и жизнь. 1993. 30 августа.
15. Сегодня. 1994. 4 мая.
16. См.: Ведомости РФ. 1993. № 21. Ст. 749.
17. О социально-экономическом положении России и мерах по его стабилизации. М., 1993. С. 2.
18. Проект Указа Президента РФ «О неотложных мерах по стабилизации экономики». М., 1993. С. 1-6.
19. Коммерсантъ. 1993. №35. С. 3.
20. Государственная программа демонополизации экономики и развития конкуренции на рынках Российской Федерации // Российская газета. 1994. 14 апреля.
21. Записка и.о. Председателя Центрального банка России Парамоновой Т.В. (репринт). М., 1995. С.6-7.
22. ТА Министерства энергетики РФ.
23. Инфо-ТЭК: Статистика. Документы. Факты. 2001. №2. С.70-71.
24. Письмо министра экономики Российской Федерации Ясина Е. от 26 ноября 1996 года. М., 1996. С. 1-4.
25. ЮКОС. Б.м. 2000. С.6.
26. См.: Hart's E & P. 2000. №7. p. 105.
27. Инфо-ТЭК: Статистика. Документы. Факты. 2001. №2. С.69-70.